УДК 811.161.1'373

DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-5-12

**О псевдоидентификации в русском языке
(на примере обозначений человека
в русских литературных текстах)**

А. Е. Бочкарев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород*

Аннотация

Идентифицировать человека иначе, как через знание отличительных свойств, нельзя. Особый эвристический интерес представляет в этой связи фиксация отклонений от усредненных значений нормы в оборотах вида *не А, а В*, в которых человек уподобляется парадоксальным образом объектам других системных классов – огню, кремню, тряпке, чурбану, жужелице, мыши или тесту. Подобные дескрипции хотя и обладают большей иллокутивной силой по сравнению с простой констатацией свойств, не поддаются проверке на реальное положение вещей. Верифицировать их можно только на соответствие какой-то установке мнения, по каким свойствам квалифицировать человека и каким должен быть в идеале избираемый в качестве вспомогательного объекта образец. В противном случае нельзя понять, почему какой-то человек уподобляется огню, кремню, тряпке, мыши или тесту и на основе каких собственно свойств устанавливается отношение подобия вида $A \equiv B \text{ Def.}$

Ключевые слова

русский язык, идентификация, псевдоидентификация, реидентификация, аксиология, метафора, образец, оценка

Для цитирования

Бочкарев А. Е. О псевдоидентификации в русском языке (на примере обозначений человека в русских литературных текстах) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 5–12. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-5-12

**Pseudo-Identification in the Russian Language
(Human Beings Descriptions in Russian Literary Texts)**

Andrey E. Bochkarev

*National Research University "Higher School of Economics"
Nizhniy Novgorod, Russian Federation*

Abstract

There is no way to identify an animate object other than to describe its specific characteristics which necessarily look like deviations from the normal "average" pattern, named here *paragon*, in which the Axiological Standard of a human group is fixed. Of particular heuristic interest is, in this regard, the logical pattern, often used in Russian for describing such a deviation: *(he / she is) not A, but B*, in which a human creature is being denied the property of being human, but is assimilated to fire, flint, rag, chump, mouse, dough, etc. The variety of descriptions (pseudo-identifications) is explained by his or her need to focus attention on some remarkable feature of person's character, incompatible with the paragon of accepted traits included in it as a result of the evaluation responses of his or her fellow countrymen. Although they have a greater illocutionary force than a simple statement of a deviant property, these identifications cannot be checked for "truth", in particular, for compliance with the "real" state of things. They are pseudo-identifications which can only be verified for compliance with some kind of attitude, defining what properties should be used to qualify a person and what should be the ideal sample selected as an auxiliary object in an ideal scenario.

© А. Е. Бочкарев, 2020

Keywords

Russian language, identification, pseudo-identification, re-identification, axiology, opinion, conceptual metaphor, paragon, evaluation

For citation

Bochkarev, Andrey E. Pseudo-Identification in the Russian Language (Human Beings Descriptions in Russian Literary Texts). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 5–12. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-5-12

Постановка проблемы

Идентифицировать объект иначе, как через знание отличительных свойств, нельзя. Идентифицирующими могут при этом оказаться не только таксономические свойства, по которым задается принадлежность к категории, но и некоторые социально нормированные аксиологические свойства, по которым квалифицируются в данной системе представлений все или почти все представители данной категории. Так, свойства индивида познаются по отношению к некоторой возведенной в абсолют норме, предстающей в когнитивном отображении в виде какой-то извлекаемой из памяти «схемы» [Кант, 1999. С. 178], «мыслимого образца» [Витгенштейн, 1994. С. 113], «инвариантного образа» [Серебренников, 1977], «прототипа» [Rosch, 1976], «конвенционального ментального образа» [Лакофф, 2004. С. 71–72, 149–151] или «образцового представителя категории» [Kleiber, 1990].

Логико-семантический механизм девиантной идентификации человека

По меткому замечанию Н. Д. Арутюновой, целям идентификации объекта служат весьма эффективно и разного рода девиации, «фиксация отклоняющихся явлений и патологических свойств» [1998. С. 307–308] (ср. [Гудман, 1989]) по ту и другую сторону усредненных значений нормы.

Особо примечательны в этой связи обозначения человека, фокусирующиеся на таких индивидуальных свойствах, состояниях и действиях, по которым тот или иной человек отличается в ряду себе подобных от других. В этих случаях идентификация сопровождается, как правило, интерпретацией, призванной прямо или косвенно ответить на вопрос, почему попавший в поле зрения индивидуальный объект не удовлетворяет нормативным аксиологическим свойствам, по которым задается в социальном измерении значение 'быть человеком'.

Такие свойства хоть и не поддаются исчерпывающей формулировке [Арутюнова, 1998. С. 33] (ср. [Лосский, 1991. С. 223–225])¹, воспринимаются как нечто должное в представлении объекта в плане физических, психологических, морально-этических, мировоззренческих и прочих свойств, которыми должен обладать по определению человек, чтобы по праву называться человеком в переменчивом мире жизненных ситуаций, функций и ролей. Так, квалификация индивидуального объекта ставится в зависимость от исторически подвижных аксиологических норм-формулировок типа сознавать свою ответственность: *Быть человеком – значит сознавать свою ответственность* (Нравственный эталон ученого и гражданина), работать: *...а без работы человек – не человек* (А. Львов), не быть тунеядцем: *Никто не должен даром есть хлеба! Нужно быть человеком! Че-ло-ве-ком!* (А. П. Чехов), быть добрым: *...нужно вести борьбу за свое право быть человеком, быть добрым и чистым* (В. Гроссман), относиться к другим, как человек к человеку: *Каждый человек должен быть человеком и относиться к другим, как человек к человеку* (Н. К. Михайловский), быть бойцом: *Быть человеком – значит быть бойцом* (М. Горький), делиться: *...человек может быть человеком, если он дает что-то другим, а дает он, если творит, и начинает творить, если исчезает*

¹ Отсюда затруднения в истолковании выражения *быть человеком* в высказываниях вне контекста. Ср. *Надо быть человеком. – А я что – собака?* (В. П. Катаев), *Трудное это слишком для многих людей занятие – быть человеком* (С. Залыгин); *Не в пример моим лучшим друзьям и знакомым, он стремился быть человеком* (С. Довлатов); *...главное – быть человеком!* (Л. Н. Разумовская); *Я до того докатилась, что перестала быть человеком!* (Т. Тронина); *Сейчас быть человеком не модно* (Е. Велтистов).

«личная заинтересованность» (М. М. Пришвин), быть пронизанным Божественным присутствием: *...быть человеком в полном смысле слова – значит быть пронизанным Божественным присутствием* (митрополит Антоний (Блум)) и проч.

Для фиксации отклонения от нормы особо показателен широко используемый в русском языке оборот *не А, а В* [Шмелев, 1997; Бочкарев, 2014. С. 110–111], в котором оператор отрицания *не* отказывает какому-то индивидуному объекту в свойстве ‘быть человеком’. При этом интерес здесь вызывает не высказывание сомнения в принадлежности к роду человеческого, не колебания в определении бытийного значения в суждениях вида *...зверь не зверь, человек не человек, а какое-то чудище, страшное и мохнатое* (С. Т. Аксаков), а констатация несоответствия аксиологическому нормативу в определениях вида *не человек, а так; не человек, а Бог знает что; не человек, а черт те кто*. Ср. *Ну, одним словом, не человек, а так...* (Г. И. Успенский), *Не человек, а Бог знает что. И у него, наверное, советский паспорт* (В. В. Набоков), *...это и не человек уже, а то, что от него осталось* (З. Прилепин).

Неопределенное *а так (Бог знает что, черт те кто)* требует, безусловно, разъяснения, почему попавший в поле зрения объект не удовлетворяет нормативным требованиям, по которым задается значение ‘быть человеком’. Экспликации служит, как правило, избираемая по случаю дескрипция, поясняющая, чем является «на деле» тот, кого незаслуженно именуют человеком, – олухом: *Ну, одним словом, не человек, а так, больше ничего, олух какой-то* (Г. И. Успенский), обломком: *Тогда уж не человек ты, а так – обломок, из которого даже кола не сделаешь* (И. Ф. Стаднюк), ничтожеством: *...ты не человек, а ничтожество* (Л. Корнешов), сволочью: *Сволочь ты, а не человек!* (К. М. Станюкович), дрянью: *Дрянь, а не человек* (А. С. Грин), извергом: *Да вы изверг, а не человек!* (В. А. Соллогуб), гадиной: *Он гадина, а не человек. На все способен!* (М. Гиголашвили), живодером: *Ты настоящий живодер, а не человек* (В. Постников), кремнем: *Таков был Корнилий Потапович – не человек, а кремль* (Н. Э. Гейнце), железом: *...не человек – железо!* (А. Терехов), золотом: *Знаете Василия Иваныча? Золото, а не человек* (А. Н. Островский), стеклом: *Добрая, чистая, любящая душа – не человек, а стекло!* (А. П. Чехов), огнем: *...не человек, а огонь, – сказал про него Лука Силыч, – ну и пошло прозвище за оболтусом: Иван Огонь* (А. Белый), скалой: *...не человек, а скала!* (Ф. Д. Крюков), зверем: *...он не человек, а зверь* (Ю. В. Трифонов), животным: *Не человек, а бездушное животное* (М. Баконина), скотиной: *Ну, да ведь и то сказать: не человек, а скотина!* (М. Е. Салтыков-Щедрин), медведем: *Медведь обжорлив, так и человек, когда объедается, не человек, а медведь* (Ф. И. Буслаев), мерином: *Ведь это, я вам скажу, не человек-с, а все равно что упрямый мерин* (Ф. М. Достоевский), боровом: *Это ж не человек, а самый что ни на есть боров* (Б. Можаев), ослом: *Это не человек, а упрямый осел* (Я. Ларри), коньком-горбунком: *Не человек, а какой-то конек-горбунок* (И. Ильф, Е. Петров), волком: *Не человек, а волк, – говорили о нем в деревне* (В. Осеева), собакой: *Я ведь не человек, а пес, собака... паршивая собака... на которую помои льют* (С. П. Подъячев), бультерьером: *Легов не человек, а бультерьер!* (Н. Александрова), сукой: *Нет, это не человек! Это сука, это мерзкая сука!* (Л. Н. Толстой), цепным псом: *А Гаврилов у нас надзиратель, пес цепной, а не человек* (Б. В. Савинков), львом: *Прямо вам скажу – лев был, а не человек!* (А. И. Куприн), жужелицей: *Не человек, а какая-то жужелица получается. – Почему это я жужелица? – обиделся сосед вслух* (Б. Б. Вахтин), бабочкой: *Малинин не человек, а бабочка* (В. Медведев), мышью: *...иначе он не человек, а мышь, которая всего боится* (П. Нилин), слепнем: *Слепень, а не человек, – сказал полковник* (Н. Н. Шпанов), удавом: *Это не человек, а елейный удав, – сказал он, – который хоть через десять лет, но подберется и непременно задушит* (В. А. Каверин), червем: *Разумеется, слабы, – червь, а не человек* (Н. С. Лесков), червяком: *Я для вас не человек, а червяк* (Е. А. Салиас), орлом: *Но вы знаете, мадам, это не человек, а орел* (А. И. Куприн), перекасти-полем: *...потому что не человек он еще, а так – перекасти-поле* (Ю. Казаков), ветром: *Не человек, а ветер* (А. Берсенева), шалтай-болтаем: *...тогда он не человек, а так, шалтай-болтай* (Н. Дубов), сквозняком: *Это не человек. Это какой-то*

сквозняк! (М. Вишневецкая), ходячей энциклопедией: *Профессор, вы не человек, а ходячая энциклопедия!* (В. Постников), ходячим мавзолеем: *Да и не человек вовсе, а воспоминание о человеке – такой ходячий мавзолей* (Н. Дежнев), манекеном: *Но это не человек, это говорящий манекен* (В. Кожевников), куклой: *...прямо не человек, кукла тряпичная* (И. Грекова), машиной: *Это не человек, а машина, и злая машина, когда рассердится* (Л. Н. Толстой), компьютером: *Прямо не человек, а компьютер* (Э. Володарский), роботом: *Робот, ты не человек* (Е. Велтистов), автоматом: *Да уж, – покачал головой Дегтярев, – не человек – автомат* (Д. Донцова), железным шкафом: *Это не человек, это какой-то железный шкаф* (Ю. В. Трифонов), громоотводом: *Просто не человек, а громоотвод* (С. Данилюк), колодой: *Это ж не человек – колода!* (Б. Можаяев), чурбаном: *Чурбан какой-то, а не человек!* (К. М. Станюкович), рухлядью: *...с этой же болезнью я не человек, а рухлядь* (А. И. Куприн), старым грибом: *Люди знали, что он не человек, а просто старый гриб, да и то поганый* (Ф. К. Сологуб), соломой: *Ну, куда ты годишься? Не человек: просто солома!* (И. А. Гончаров), слизью: *Не человек ты, а слизь поганая! Даже смотреть на тебя противно* (М. Бубеннов), комом грязи: *...ты не человек, а ком движущейся грязи!* (В. Т. Нарезный), жвачкой: *Не человек я больше, а какая-то поганая жвачка* (А. И. Куприн), меню: *...не человек, а меню – все, что угодно* (Д. Гранин), тряпкой: *В том-то и горе мое, что я тряпка, а не человек!* (Ф. М. Достоевский), тестом: *Это не человек, это тесто, помилуйте* (И. С. Тургенев), индейкой с трюфелями: *...а для моих зятьев я даже не человек, а просто индейка с трюфелями* (А. Н. Апухтин), пирожком ни с чем: *Так, Потапенко он называл – «пирожок ни с чем»* (Д. Гранин), феноменом: *Словом, не человек, а феномен. «Седьмое чудо света»* (Л. К. Чуковская), перипетией: *Перипетия ты, а не человек* (В. Тендряков), напастью: *Ну, это не человек, а одна напасть!* (В. Липатов), ужасом: *Прямо ужас, а не человек!* (И. Пивоварова), белой горячкой: *Буквально озверел. Не человек, а горячка белая* (Н. Леонов, А. Макеев), язвой: *Не человек, а язва* (Л. Н. Андреев), зельем: *Ну, Арина, и сосед же у нас: зелье, не человек* (В. М. Гаршин), ядом: *Нет, ты не человек..., ты – яд!* (М. Горький), чудовищем: *Вы, сударь, не человек, а чудовище!* (М. Н. Загоскин), оборотнем: *А я уж думал, правду говорят, что вы не человек – оборотень!* (С. Осипов), чертом в ступе: *Старый черт ты в ступе, а не человек* (В. Железников), воплощенным злом: *Не человек, а воплощенное зло, – наконец сказал он* (В. Каверин), дьяволом: *Ты не знаешь его, это не человек, а сам дьявол* (Н. Э. Гейнце), ангелом: *...не человек, а ангел* (М. Е. Салтыков-Щедрин), музыкой: *А? Не человек, а музыка! соловей, порхающий с ветки на ветку!* (А. В. Амфитеатров), чудом: *Чудо просто, а не человек!* (А. Ф. Писемский), мечтанием: *Так, не человек, а мечтание одно* (В. И. Немирович-Данченко).

За исключением оценочных номинаций типа *ничтожество, олух, сволочь, изверг* профилирование свойства, по которому какому-то индивиду представителю рода человеческого отказывают в значении 'быть человеком', не довольствуется, как видно, именованием, а требует обращения к какому-то избираемому по случаю образцу, как если бы отсылка к образцу служила дополнительным аргументом в пользу совершаемой квалификации. Разнообразие в выборе номинации объясняется при этом необходимостью сфокусироваться всякий раз на таком особо примечательном свойстве объекта, которым обладает в наивысшей степени привлекаемый в качестве эталона образец – железо, золото, огонь, стекло, чурбан, тряпка, волк, собака, белая горячка, перипетия, перекасти-поле, жужелица или лев².

Для простоты изложения каждый из приведенных выше примеров можно представить в виде двух последовательно связанных категорических суждений, претендующих в оценке говорящего если не на логическую, то хотя бы на субъективную значимость: (1) *А не есть А* и (2) *А есть В*. Например, (1) *человек не есть человек*, (2) *человек есть огонь (железо, золото, белая горячка, собака, тряпка...)*.

² Поскольку в переходах от меньшей интенсивности к большей совершается амплификация, отсылка к образцу имеет, безусловно, большую иллюкативную силу по сравнению с простой констатацией профилируемого свойства, состояния или действия.

В высказывании (1) в отношении второго употребления лексемы *человек* действует оператор отрицания *не*, так что суждение принимает вопреки непреложному закону тождества вид контрадикторного суждения: *человек не есть человек*. За дезидентификацией следует псевдоидентификация: (2) *человек есть огонь (железо, золото, скала, собака, тряпка...)*. Причем необходимым и достаточным тому основанием служит прагматическая пресуппозиция, что какой-то попавший в поле зрения индивидуальный объект не соответствует нормативным требованиям, которым должен удовлетворять по определению человек, а обладает, напротив, свойствами, по которым его можно определить в терминах, подходящих скорее для огня, железа, золота, собаки или тряпки.

В двузначном исчислении такие определения заведомо ложны, поскольку связанные именные выражения принадлежат к разным системным классам³. Эффект семантической аномалии можно, разумеется, при желании сократить с помощью выражений в функции ограничителя (*hedge*) – компаративной связки *как*, предикативов *подобно*, *похож* и т. п. [Lakoff, 1973; Растье, 2001. С. 175–177] – в перифразах вида *А есть такой, как В*, в которых *А* признается если не тождественным, то хотя бы сходным в каком-то отношении с *В*. Но такого рода преобразования ничего, в сущности, не меняют, а только лишний раз подчеркивают несуразность избираемой дескрипции. В жесткой референции к объектам действительного мира полностью исключается какая бы то ни было реидентификация; если только не предположить существование какого-то возможного мира, в котором человек – не совсем человек, не человек в обычном понимании, а скорее человек-огонь, человек-тесто, человек-тряпка или человек-кремень⁴. В таком случае именное выражение не утрачивает функции указания, но, чтобы совершить референцию к объекту⁵, с которым совместимы указанные семантические предикаты, необходимо примкнуть к соответствующей установке мнения, по которой избираемые дескрипции если не необходимо истинны, то хотя бы сообразны для определения человека как своего рода теста, тряпки или огня⁶.

Подобные дескрипции пусть не поддаются проверке на истинность, требуют осмысления: почему для квалификации человека избирается этот, а не какой-то другой вспомогательный объект. Так, понимая, что означает слово в переносном значении, собеседник вправе переспросить: *Почему это я тесто? Почему это я тряпка? Почему это я мышь трусливая?* – и только затем решать, насколько сообразна в данной прагматической ситуации избираемая по случаю предикатная дескрипция.

За невозможностью буквального понимания истолкование сводится к метафорической интерпретации. В подавляющем большинстве случаев переосмысление суждений вида *не А, а В* состоит в том, что *В*, понимаясь метафорически, обозначает в действительности не сам по себе объект *В*, а скорее свойство объекта *А* быть в каком-то отношении сходным с объектом *В*. «Тем самым, – заключает А. Д. Шмелев, – *В* приобретает предикатный статус, и никакой загадки не остается» [1997. С. 503].

Проблемное суждение действительно перестает быть загадкой при условии соответствующей экспликации. Так, в суждении *не человек, а тесто* смысл присоединенной предикатной дескрипции раскрывается обычно через указание на уступчиво-податливый характер человека, сопоставимый в оценке говорящих с легко поддающимся формовке тестом: *Это не человек, это тесто, помидуйте. Только стоит взять да лепить* (И. С. Тургенев); в суждении

³ В микросемантическом анализе связанные семемы входят в отношение аллотопии по несовместимым родовым признакам: 'одушевленный' vs 'неодушевленный' (человек-железо), 'человек' vs 'животное' (человек-собака), 'человек' vs 'вещь' (человек-тряпка).

⁴ Таким миром можно признать мир художественной литературы и в целом языка.

⁵ Расщепленная референция, в определении П. Рикёра [1990].

⁶ В терминах семантики возможных миров это означает следующее: чтобы осуществить идентифицирующую референцию, некоторый концепт c_1 ('человек') выбирает в качестве интенциональной функции некоторый другой объект, соотносимый в данном контексте мнения с концептом x_1, x_2, x_n ('тесто', 'тряпка', 'кремень'). Так смысл анализируемого выражения определяется как функция (интенсия выражения) от возможного мира, каким является ассумптивный универсум говорящего, к определенным его объектам (экстенсия выражения).

не человек, а бультерьер – через указание на вьедливостъ, сопоставимую с железной хваткой бультерьера: *Легов не человек, а бультерьер! Если он в кого вцепится, то уж зубов не разо-жмет* (Н. Александрова); в суждении *не человек, а громоотвод* – через указание на способ-ность притягивать неприятности, сопоставимую со свойством громоотвода притягивать молнии: *Просто не человек, а громоотвод, притягивающий к себе всякую молнию!* (С. Дани-люк); в суждении *не человек, а огурец* – через указание на внешнее сходство цвета: *Макс стал зеленого цвета, ну просто не человек, а болгарский огурец* (А. Моторов); в суждении *не человек, а золото* – через указание на особо ценимые качества человека, сопоставимые в оценке говорящих с ценностью золота, в том числе трудолюбие: *Работает он от утра до ночи <...> – и в этом отношении он не человек, а золото* (А. П. Чехов), бескорыстность и честность: *Семен Яковлевич – это не человек, а золото, это человек бескорыстный, чело-век брильянтовой честности* (А. И. Куприн), верность: *Есть у нас в губернском правлении советник Дрожжов, золото, а не человек; умрет, а своего не выдаст* (И. А. Гончаров), обя-зательность: *За что ни возьмется, то и сделает* (народная пословица) и проч.

За отсутствием пояснения приходится довольствоваться фоновыми знаниями, по каким именно свойствам человека можно уподобить тесту, огню, кремню, тряпке или чурбану. Причем отбору здесь подлежат не таксономические свойства вспомогательного объекта – теста, огня, кремня, тряпки или чурбана⁷, а востребованные в контексте социокультурные афферентные признаки, по которым вспомогательный объект может служить образцом для фигуральной квалификации того или иного свойства человека⁸. Например, *огонь* для обо-значения человека вспыльчивого, *кремнь* для обозначения человека с твердым характером, *чурбан* для обозначения человека неотесанного и тупого, *тряпка* для обозначения человека слабовольного и бесхарактерного, *ходячая энциклопедия* для обозначения человека широкого кругозора, *перекати-поле* для обозначения человека, постоянно меняющего место жительст-ва, *автомат* для обозначения человека, механистически выполняющего некоторый заучен-ный набор действий, *компьютер* для обозначения человека с особыми вычислительными способностями и проч. В противном случае нельзя понять, почему говорящие прибегают во-преки постулату связности к аллоторпным построениям и как вообще истолковать внешне противоречивые высказывания вида *не человек, а огонь*.

Вместо заключения

Таким образом, широко используемый в русском языке оборот *не А, а В* служит средством реидентификации человека по свойствам, так или иначе уклоняющимся в плане физической, психологической или морально-этической характеристики от усредненного значения нормы. В соответствии с условиями разбираемого оборота вместо экспликации таких свойств в де-скрипциях вида *неуклюжий*, *своенравный* или *безвольный* объект суждения определяется в метафорической проекции по отношению к представителям других системных классов как в чем-то сходный с медведем, тряпкой, кремнем, золотом или огнем.

С точки зрения классической двузначной логики подобные высказывания, пусть они и об-ладают бóльшей иллюкутивной силой по сравнению с простой констатацией свойств, ложны, ибо независимо от приписываемых индивиду свойств человек – не тряпка, не огонь и не медведь. Верифицировать эти идентификации на соответствие «действительности» можно только с опорой на какую-то избираемую *ad hoc* установку мнения, сообразуясь с которой

⁷ Во всяком случае, из утверждения *не человек, а огонь* не следует, что человек горит сродни горючим мате-риалам; из утверждения *не человек, а лев* не следует, что он ходит на четвереньках; из утверждения *не человек, а половая тряпка* не следует, что его можно использовать в качестве лоскута ткани для влажной уборки поме-щения.

⁸ Понимание осложняется, когда привлекаемый в качестве эталона объект не принадлежит к разряду обще-признанных образцов вроде *матраца* для обозначения мужчины: ср. *...в этом вопросе ты не мужчина, а какой-то матрац с пружинами* (А. Львов), *суслик* или *бланманже* для обозначения женщины: ср. *Ведь она не женщи-на, а суслик, суслик!* (П. Д. Боборыкин), *Не женщина, а бланманже* (В. Ерофеев). Отсюда востребованные в кон-тексте пояснения: *...как жена на тебя ни сидит, ты только скрпистишь* (матрац).

какой-то индивидуальный представитель рода человеческого признается в каком-то отношении сходным с медведем, тряпкой, кремнем, золотом или огнем. Выбор избираемого по случаю образца может быть при этом либо конвенциональным, т. е. так или иначе кодифицированным в русской языковой картине мира, как, например, в высказывании вида *не человек, а кремень*, либо оценочно-субъективным, как, например, в высказывании вида *не женщина, а суслик* или *не мужчина, а какой-то матрац с пружинами*.

В первом случае условием истолкования служит такое весьма существенное обстоятельство, что для оценочной квалификации человека по свойству твердости характера в русском языке нет иного класса вспомогательных объектов, кроме разве только очень твердого камня с названием *кремень*, первоначально употребляемого для высечения огня; во втором – лингвистический и / или прагматический контекст, позволяющий истолковать проблемное высказывание путем актуализации искомого афферентного признака, по которому женщина уподобляется говорящим суслику, мужчина – матрацу с пружинами. За отсутствием такого контекста, заметим, субъективно-оценочная реидентификация оборачивается довольно сильной рефракцией восприятия.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки славянской культуры, 1998. 896 с.
- Бочкарев А. Е. Семантика. Основной лексикон. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2014. 320 с.
- Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I / Пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева; сост., вступ. ст., примеч. М. С. Козловой. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
- Гудман Б. А. Идентификация референта и связанные с ней коммуникативные неудачи // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1989. Вып. 24: Компьютерная лингвистика. С. 209–258.
- Кант Э. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. О. Лосского; сост., вступ. ст. В. А. Жучкова; примеч. В. В. Васильева, В. А. Жучкова. М.: Наука, 1999. 655 с.
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
- Лосский Н. О. Обоснование интуитивизма // Лосский Н. О. Избранное. М.: Правда, 1991. С. 11–334.
- Растье Ф. Интерпретирующая семантика / Пер. с фр. А. Е. Бочкарева. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2001. 368 с.
- Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 416–434.
- Серебренников Б. А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация (Общие вопросы) / Под ред. Б. А. Серебренникова, А. А. Уфимцевой. М.: Наука, 1977. С. 147–187.
- Шмелев А. Д. Парадоксы идентификации // Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. С. 497–513.
- Kleiber, G. Phrases et valeurs de vérité. In: Martin, R. (éd.). La notion de recevabilité en linguistique. Paris, Klincksieck, 1978, p. 21–66.
- Lakoff, G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*, 1973, vol. 2 (4), p. 458–508.
- Rosch, E. et al. Basic Objects in Natural Categories. *Cognitive Psychology*, 1976, no. 8, p. 382–436.

Список источников

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>

References

- Arutyunova, N. D.** Language and Human World. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 1998, 896 p. (in Russ.)
- Bochkarev, A. E.** Semantics. The Basic Lexicon. Nizhniy Novgorod, DEKOM, 2014, 320 p. (in Russ.)
- Goodman, B. A.** Reference Identification and Reference Identification Failures. In: New in Foreign Linguistics. Moscow, Progress Publ., iss. 24: Computational Linguistics, p. 209–258. (in Russ.)
- Kant, I.** The Critique of Judgment. Moscow, Nauka, 655 p. (in Russ.)
- Kleiber, G.** Phrases et valeurs de vérité. In: Martin, R. (éd.). La notion de recevabilité en linguistique. Paris, Klincksieck, 1978, p. 21–66.
- Lakoff, G.** Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*, 1973, vol. 2 (4), p. 458–508.
- Lakoff, G.** Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004, 792 p. (in Russ.)
- Losskiy, N. O.** The Intuitive Basis of Knowledge. In: Losskiy, N. O. Selected Papers. Moscow, Pravda Publ., 1991, p. 3–334. (in Russ.)
- Rastier, F.** Interpretive Semantics. Nizhny Novgorod, DEKOM, 2001, 368 p. (in Russ.)
- Ricœur, P.** Metaphorical Process as Knowledge, Imagination and Sensation. In: Arutyunova, N. D. (ed.). Metaphor Theory. Moscow, Progress, 1990, p. 416–434. (in Russ.)
- Rosch, E. et al.** Basic Objects in Natural Categories. *Cognitive Psychology*, 1976, no. 8, p. 382–436.
- Serebrennikov, B. A.** Nomination and Matter of Choice. In: Language Nomination (General Problems). Moscow, Nauka, 1977, p. 147–187 (in Russ.)
- Shmelev, A. D.** Identification Paradoxes. In: Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. Linguistic Conceptualization of the World (based on Russian grammar). Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 1997, p. 497–513. (in Russ.)
- Wittgenstein, L.** Philosophical Writings. Part I. Moscow, Gnosis, 1994, 612 p. (in Russ.)

List of Sources

National Corpus of Russian Language. URL: <http://ruscorpora.ru/>

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
16.11.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Бочкарев Андрей Евгеньевич, доктор филологических наук, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ул. Б. Печерская, 25/12, Нижний Новгород, 603155, Россия)

Andrey E. Bochkarev, Dr. Hab. (Philology), Professor, Department of Literature and Intercultural Communication, Faculty of Human Sciences, National Research University "Higher School of Economics" (25/12 B. Pecherskaya Str., 603155, Nizhniy Novgorod, Russian Federation)

abotchkarev@hse.ru

bochkarev.andrey@mail.ru

ORCID 0000-0002-9650-8604

SPIN 3213-6724